
ИДЕИ И ПРАКТИКИ: НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

И.Г. ШАБЛИНСКИЙ*

«НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ» И СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования в течение последнего десятилетия идеологической базы для законодательной и административной практики, суть которой автор характеризует как «контрреформу». Рассматривается проблема использования идеологической парадигмы советских времен для формирования идейного течения, ассоциируемого с так называемым «новым российским консерватизмом». В статье рассматриваются отличия этого идеологического «коктейля» от консерватизма, уходящего корнями в историю Европы, консерватизма Берка и Токвиля. Исследуются различные стадии формирования данной идейной базы, в частности, использовавшаяся определенное время идеологическая конструкция «суверенная демократия», а также предложения отказаться от запрета на государственную идеологию, предусмотренного Конституцией.

Ключевые слова: консерватизм; контрреформа; правящая группа; идеологема.

I.G. Shablinsky

The «new Russian conservatism» and the soviet ideological paradigm

Abstract. The article is devoted to the problem of development of the ideology legitimizing the legal and administrative practice in Russian Federation that the author qualifies as ‘counter-reform’. Last years the government increased its grip on the media, changed the electoral and party legislation and ensured the monopoly power of the

* **Шаблинский Илья Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права НИУ ВШЭ (Москва), e-mail: ishablin@yandex.ru

Shablinsky Iliia, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: ishablin@yandex.ru

ruling group. Its main idea is so-called new conservatism. The article explains the essence of the new Russian conservatism and compares it with the classical European and American conservatism, doctrines of Burke and Tocqueville. The author argues that this ideology is rather a sort of nationalism, that is adopted for the tasks of maintenance of the personalist regime. The subject of the investigation is also the stages of the formation of this ideological base – the way from the idea of a so-called sovereign democracy to the real autocratic rule. The author investigates the connection between this new conservatism and the Soviet ideological tradition. The new conservatism contains some elements of this tradition.

Keywords: conservatism; ideologue; ruling Russian group; European and American conservatism

Настоящая статья предполагает решение по крайней мере трех задач, связанных с новой ролью идеологического фактора в условиях формирования нового политического режима, который мы характеризуем как режим личной власти. Во-первых, дать характеристику процессу трансформации идеологических установок, по сути дела, формирования новой идеологии российской политической элиты. Данная идеология, на наш взгляд, должна была отвечать нуждам указанного режима. Во-вторых, определить влияние на эту трансформацию ряда советских идеологов. В-третьих, обозначить отличия нового российского консерватизма от политического консерватизма, сформировавшегося в течение нескольких последних столетий в западных обществах.

В конечном счете автора как юриста более всего интересует судьба демократических институтов в России, т.е. в основном правовых институтов. Их определенная деформация, подмена реальных демократических процедур имитацией, создание условий для монополии на власть стали результатом эволюции убеждений и взглядов правящей группы, во всяком случае части этой группы. Смена идеологических установок оказала влияние на состояние институтов, в силу чего предлагаемый в настоящей статье идейно ориентированный подход может быть полезен для понимания механизмов их формирования.

О смыслах контрреформы и концепции «суверенной демократии»

Термин «контрреформа» чаще всего использовался по отношению к политике российской власти, осуществлявшейся в течение примерно двух десятилетий, следовавших за периодом реформ Александра II.

В данном случае мы подразумеваем ряд мер, направленных на цели, противоположные целям конституционной реформы начала 1990-х годов. Речь идет именно о де-факто изменении курса. С формальной точки зрения смена целей и отказ от прежнего вектора почти никак не были обозначены: в 2000–2004 гг. В. Путин нередко подчеркивал свою приверженность демократии и настаивал на незыблемости Конституции. Однако это не помешало ему отказаться от политической конкуренции в пользу монополии одной группы на власть, от разделения властей – в пользу сосредоточения всей власти в одном органе, а точнее, в одних руках, от независимости судов – в пользу их подчинения исполнительной власти, от свободы массовой информации – в пользу жесткого контроля государства над крупнейшими СМИ. Все это вместе мы считаем возможным обозначить термином «контрреформа».

С 2001 по 2008 г. второму президенту удалось фактически изменить ряд важных институтов, действуя с помощью законодательства. Был введен новый порядок формирования Совета Федерации, фактически поставивший его под контроль президентской Администрации. Был установлен новый порядок назначения аудиторов Счетной палаты, позволявший наполнять ее людьми, полностью лояльными главе государства. Были отменены прямые выборы губернаторов, изменены правовые основы избирательной и партийной систем, что обеспечило доминирование партии власти, ее политического бренда и т.п. Был уточнен порядок назначения федеральных судей – включая председателей и заместителей председателей судов, ставших полноценными начальниками в своих ведомствах, однако зависимыми от административной власти. Из мер, не связанных с законодательством, нужно упомянуть установление контроля правящей группы над крупнейшими телекомпаниями.

Таким образом, курс на отмену реальной политической конкуренции и установление монополии на власть вполне обозначил-

ся и уже требовал постановки очередных задач. Как бы мы могли сегодня определить эти задачи – или, шире, сверхзадачу президентства Владимира Путина? На наш взгляд, речь должна идти о максимальном наращении объема власти, сосредоточенной в одних руках, *как самоцели*. Адаптация всех основных политических институтов происходила в целях удобства президента и правящей группы. Все прочие цели (в том числе и связанные с получением членами правящей группы определенных экономических выгод) оказывались производными по отношению к этой главной. И она потребовала идеологического обеспечения.

Можно рассматривать данный процесс и с точки зрения поиска правящей группой дополнительных средств усиления легитимности, как это делает, например, Ю.С. Пивоваров. По его словам, «фактический отказ от выборов, смена модели избирательной системы, усиление внеконституционных “институтов” (чрезвычайных комиссий по своей природе) и процедур резко сократили действенность правовой легитимности». Именно в этих условиях «конституционно-правовую легитимность можно... поменять на идеологическую. Тем более, что наши люди привыкли существовать под опекой одной мирообъясняющей идеологии» [Пивоваров, 2015, с. 162–163].

В любом случае речь шла о серьезном идеологическом обновлении политического режима.

Для подведения под стратегию контрреформы новой (или обновленной) идеологической базы у власти уже были все необходимые механизмы. Прежде всего, контроль над федеральными телевизионными каналами. Можно было также говорить и о контроле над значительной частью рынка печатных изданий, но это обстоятельство играло уже второстепенную роль. Г. Мусихин в связи с этим замечает: «Нынешние СМИ (и прежде всего телевидение) создали уникальный общенациональный форум, в котором информация распространяется мгновенно, что открыло для власти и для политики вообще возможность быстрого и тотального внушающего воздействия» [Мусихин, 2013, с. 185].

Интересно, что этот же автор предполагает, что телепропаганда, воздействуя достаточно быстро, одновременно «лишает такое воздействие значительной части нормативно убеждающей (т.е. идеологической) силы. Из-за визуального влияния телевизионной картинки форма подачи тех или иных аргументов стала важнее

самих аргументов. Вследствие большей информационной насыщенности визуальной информации сокращается время трансляции последней, поэтому аудиоинформация (т.е. речевое сопровождение “картинки”) попросту не поспевает за видеорядом в должном объеме» [Мусихин, 2013, с. 185].

Может быть, аудиоинформация и не всегда поспевала за видеорядом. Но это никак не лишало и не лишает телепропаганду ее убеждающей силы. И более того: видеоряд был призван дополнять и если нужно подменять недостатки текста. Пропагандистский продукт представляет собой некое единство основных элементов – видеоряда, текста ведущего и его эмоционального отношения к произносимому. Но главным элементом все же оставалась «нормативная убеждающая сила», т.е. идеологическое послание.

Данная проблематика уже серьезно и всесторонне рассматривалась в научной литературе – и с точки зрения поиска исторических корней современного идеологического раскола, и в связи с влиянием установок политической элиты на трансформацию институтов публичной сферы, и с точки зрения конструирования идентичности политического сообщества в России [Малинова, 2013; Оболонский, 2016; Пивоваров, 2015; Работяжев, Соловьев, 2013 и др.].

Современные авторы, говоря о постепенном формировании новой идеологической основы политического режима в России, в качестве одной из исходных позиций рассматривают обычно концепцию «суверенной демократии».

С теоретической точки зрения данная конструкция выглядит ущербно, поскольку явно соединяет понятия из разных сфер, разных понятийных рядов. Но, возможно, она вполне годилась для того, чтобы какое-то время играть пропагандистскую роль. И вполне можно согласиться с тем, что «парадоксальным образом концепция “суверенной демократии” опирается на официальную советскую идеологию (в части “модернизационного проекта” и “социалистической демократии”))» [Малинова, 2013, с. 337]. «Социалистическая демократия», как известно, противопоставлялась демократии «буржуазной», защищая в конечном счете монополию на власть тогдашней правящей группы.

Точный смысл названного словосочетания никогда не был до конца ясен и его приверженцам, зато они могли его широко интерпретировать. Так, согласно толкованию бывшего главного ре-

доктора «Независимой газеты» Виталия Третьякова, «генеральная метафизическая основа политической философии Путина следующая: Россия была, есть и будет крупнейшей европейской нацией. Демократическая традиция есть не нечто привнесенное в Россию откуда-либо, а естественным путем и в определенный исторический момент возникшая в ней самой ценность, равно значимая в российском общественном сознании еще двум ценностям – свободе (в том числе и независимости, суверенности русской нации и русского государства) и справедливости...» [Третьяков, 2005, с. 3]. Автор делал при этом довольно невнятные оговорки: «...Механическое следование внешне демократическим процедурам, с одной стороны, позволит не народу, а лишь бюрократии укрепить свои позиции в государстве и обществе, а с другой стороны – опять хаотизирует недостаточно сбалансированную общественную жизнь и спровоцирует бюрократию как хранительницу государства на государственный переворот, ликвидирующий достигнутый уровень свободы» [там же]. Думается, что в этом объяснении главное – то, что следование «внешне демократическим процедурам» «хаотизирует недостаточно сбалансированную общественную жизнь». Таким образом автор оправдывал недемократические меры президентской Администрации.

В чем же состояла «суверенная демократия»? Прежде всего, речь шла о жестком контроле за политическим контентом крупнейших телеканалов – о чем говорилось выше: в целом он был обеспечен к 2002 г., когда власть сменила руководство телекомпании НТВ и добилась лишения лицензии МНВК «ТВ-6 Москва», но, вероятно, некоторое время еще потребовалось для упрочения нового порядка в медиапространстве. Кроме того, уже были внесены изменения в законодательство о выборах, выгодные партии власти. Были отменены губернаторские выборы. В результате фактически свернулась реальная политическая конкуренция, а глава государства оказался вне контроля и критики. Собственно, под «хаотизацией», вероятно, и следовало понимать реальную конкуренцию на политическом поле.

Еще через несколько лет для каких-либо иллюзий относительно сохранения «демократических традиций», о которых упоминал Третьяков, уже почти не осталось места. И само понятие «суверенной демократии» почти исчезло из лексики официальных лиц. Они уже сводили аргументацию к тому, что данный режим

создает благоприятные условия для развития экономики и обеспечивает общественную стабильность. В этом контексте благоприятный инвестиционный климат «нулевых» годов все так же противопоставлялся хаосу «девяностых». Борьбой же со злоупотреблениями власти, коррупцией, произволом, согласно этой точке зрения, президент занимался эффективнее, нежели любая «оппозиция». Получалось, что именно авторитарный режим (его адепты предпочитали именовать его «консолидированным государством») удобен для экономической модернизации. Вот аргумент одного из его идеологов, В. Суркова: «Есть... концепция... которая считает консолидированное государство инструментом переходного периода, инструментом модернизации. Некоторые называют это авторитарной модернизацией... Президент больше любой оппозиции делает для борьбы с коррупцией, отсталостью, для развития политической системы... Систему надо адаптировать к меняющемуся, усложняющемуся обществу. Но это не значит, что мы должны от системы отказываться. Ее надо сохранять. И не впускать то, что может ее разрушить... Девяностые годы показали: само по себе расщепление общества не рождает позитивную энергию. Да, некоторую энергию высвобождает, но на что она расходуется, и куда это приводит?» [Сурков, Глинкин, Костенко, 2010].

Возможно, ссылка на опасное «расщепление общества» подразумевала трагический опыт 1993 г. Он действительно показал, что российские политики плохо умеют договариваться друг с другом и идти на компромисс. Но данный опыт, на наш взгляд, лишь требовал развивать культуру политического диалога. Вряд ли он требовал создания новой монополии на власть.

Возрождение советской идеологической парадигмы?

Говоря о явных признаках возвращения к некоторым элементам советского опыта – о выстраивании монополии на власть, о создании системы государственной пропаганды в СМИ и об установлении жесткого контроля над политическим контентом СМИ и т.д., – нужно все же видеть и качественную новизну ситуации. В том числе и в идеологическом оформлении режима.

На наш взгляд, советский опыт был, так или иначе, связан с политическим наследием сталинизма, с его идеологией. Ее глав-

ную парадигму можно упрощенно представить как тесное соединение двух установок (ставших за 70 лет традициями): на неуклонное подавление и искоренение политического инакомыслия и на постоянное противостояние внешнему врагу – в общем, миру демократических (и не только демократических) государств – «капиталистическому окружению» или «капиталистическому лагерю» на пропагандистском жаргоне тех лет. Парадигма эта в полной мере сформировалась к середине XX в. – к 1950–1960-м годам. Некоторые ее элементы можно было немного смягчать (отказываясь, скажем, от проклятий в адрес европейской социал-демократии и допуская «мирное существование» государств с различными социально-экономическими системами), но сущность ее оставалась неизменной и общеобязательной на протяжении нескольких десятилетий. Впрочем, к 90-м годам XX столетия, все эти и другие элементы данной парадигмы выглядели явно архаичными. И ее преодоление казалось совершенно естественным и закономерным.

Но спустя всего пару десятилетий специалисты по рекламе и политтехнологии, ставшие идеологами российского политического режима в начале XXI в., обратились к пропагандистским установкам прежнего режима с новым вниманием. И усмотрели в них, судя по всему, немало полезных моментов. Они хорошо понимали (или угадывали) то, что некоторые из прежних идеологических установок точно нуждались в коррекции. Речь (пока) не должна была идти о физическом устранении политических противников. Суть политической задачи, поставленной, как нам представляется, перед ними, была в другом: нейтрализовать оппонентов, не прибегая к репрессиям и не давая повода для упреков в искоренении инакомыслия. Тут, кстати, можно вспомнить и об участии первых лиц государства в мероприятиях, посвященных увековечению памяти жертв репрессий 1930–1950-х годов: например, на полигоне в Бутово в Подмоскowie и в Катыни под Смоленском.

Создатели нового режима, вероятно, не были приверженцами методов 1930–1950-х годов, и, скорее, всего лишь защищали порядок, при котором им было комфортно. Но их усилия, их постоянное стремление нарастить власть главы государства вызывали энтузиазм у многих приверженцев указанных методов. Это постоянное наращивание власти постепенно вело к черте, за которой создаваемый порядок уже менял свою сущность, полностью утрачивая демократический характер. По мере того как это происходило,

его защитники оказывались перед необходимостью как-то обосновывать сам по себе принцип авторитарности – поскольку авторитарные черты проступали все более явственно.

Советская (точнее, сталинистская) идеологическая парадигма неожиданно снова стала обретать актуальность. Конечно, в новом формате. Прямо говорить о реальной стратегии правящей группы – о формировании ее фактической монополии на власть и о нейтрализации любых неудобных оппонентов – было все еще не принято и не целесообразно. Но принцип авторитарности стал уже преподноситься как вполне соответствующий реалиям и вызовам эпохи. Например, сформулированные в 2010 г. аргументы в пользу авторитарной власти Валерия Зорькина, председателя Конституционного суда, акцентировали внимание на том, что такая власть спасает страну от опасных радикальных движений: «...Я с изумлением обнаружил, что даже у профессиональных юристов слово “авторитаризм” вызывает жуткую неприязнь. Конечно, если в чистом виде авторитаризм, автократия в традиционном понимании – так недалеко и до [Пол] Пота. Но “авторитарное”, “autoritaire” – есть ли это элемент государства и права? На мой взгляд, безусловно, потому что элементы социального общежития – это власть, свобода, закон и общая цель. Юридической общей целью является установление принципа юридического равенства, а наполняется оно через общие блага. Если бы Шарль де Голль не поступал авторитарно, в пределах, конечно, Конституции и права, то на смену ему пришла бы диктатура фашистских полковников, переворот бы был» [Зорькин, 2010, с. 48–49].

Нужно ли было понимать данное размышление так, что режим, установленный вторым российским президентом, спасал страну от некоей «фашистской диктатуры»? Это звучало не слишком убедительно.

Националистические и революционаристские группировки в начале XXI в. действовали в России, как и во всех европейских странах. Это факт, но они существовали и, судя по всему, будут существовать всегда. Их влияние в России в тот период было совсем невелико. Само по себе успешное экономическое развитие не позволяло им расширить социальную базу. В то же время экономическая стагнация и самоизоляция государства на международной арене, активная пропаганда тезиса о том, что Россия остается в

кольце врагов, как раз и создавали для радикалов благоприятный социально-психологический климат.

Борцам с революционерами можно было также напомнить одно суждение Бориса Чичерина, сформулированное им в статье «Россия накануне двадцатого столетия»: «Естественное последствие угнетения мысли состоит в том, что она вдается в крайние направления. Одна крайность всегда вызывает другую. Чем более мысль стеснена, тем более в ней возбуждается ненависть ко всякому стеснению...» [Чичерин, 2000, с. 509]

Во всяком случае, идея авторитарности (авторитарной модернизации) начала всерьез обсуждаться и обосновываться еще в период второго президентства Путина и во время президентства Медведева.

В процессе формирования уже вполне реакционного – в обозначенном выше смысле – политического режима в 2012–2016 гг. его идейная база продолжала постепенно обновляться. Одной из широко обсуждаемых оказалась тема отказа от конституционного запрета на государственную идеологию и выработка основ такой идеологии. «Литературная газета», ставшая выразителем консервативных (т.е., в сущности, верноподданнических) настроений, писала: «Когда говорят о деидеологизации, речь идет о том, чтобы расчистить поле для своей, для выгодной себе идеологии. Собственно, именно так и происходило в России в процессе и после перестройки. Нашим геополитическим противникам (как и любому противнику) выгодно ослабление нашего народа... Освобожденное от собственной идеологии поле немедленно занимает противник. Сегодня нам необходимо овладеть своей собственной территорией» [Воеводина, 2014].

В этих фразах, будто заимствованных из газетных передовиц 70-х годов прошлого века, просматривается картина враждебного внешнего окружения, которому российское государство должно противостоять.

В этом, пожалуй, и заключается главный тезис «новой» идеологической платформы политического режима в России. Да, параллели с идеологической платформой советского режима напрашивались. Но все же не следовало забывать о разнице.

Если в 1970-е годы противник определялся как «мир капитализма» или «мировая капиталистическая система» (конечно, во главе с определенными государствами), то идейными и геополитическими

тическими противниками российской власти в XXI в. был провозглашен просто «Запад», «западный мир» – олицетворяемый, правда, теми же странами, что и 40 годами раньше. Если в условиях господства марксистской идеологии в 1970-х годах среди идеологических штампов присутствовала «идеологическая борьба» «двух социально-экономических систем» – социализма и капитализма, то спустя 40 лет эта борьба неожиданно возобновилась и в отсутствие внятной альтернативы капитализму.

Можно напомнить пропагандистское клише тех лет. «Мировая капиталистическая система» и империалистические государства (США, Великобритания, Франция и т.д.) угрожали «миру социализма» и «социалистическим государствам», поскольку крупная буржуазия указанных государств опасалась влияния социализма и социальной революции.

В наше время о социальной революции и борьбе капитализма с социализмом, а также об угрозе социализму речь уже не шла: говорилось в основном об угрозе «геополитическим интересам» России. Содержание этого термина, как и содержание слова «Запад», могло варьироваться в весьма широком диапазоне. Например, оказывалось, что именно «Запад» «попытался в 2011–2012 годах разрушить внезапно для него возникшую консервативную парадигму общества, лидером которого стал Владимир Путин» [Мухин, 2014, с. 3].

Именно влиянием внешних сил объяснялись массовые гражданские протесты 2011–2012 гг. Таким образом, защитники status quo, т.е. фактического состояния власти, стали ассоциировать своих идейных оппонентов с внешними противниками государства – совершенно в духе 1930–1970-х годов прошлого века. Приведем в качестве примера цитату, которая была взята отнюдь не из боевого партийного листка, а опять же из статьи председателя Конституционного суда: «Показная забота о наполнении нашей государственности идеями справедливости сочетается с холодным циничным умолчанием по поводу того, что эта идея была растоптана врагами современной России. Что эту идею – как и идею человечности вообще – все более грубо попирает современный Запад... Обвиняя российское государство в клановости, международные воры и их интеллектуальная обслуга замалчивают все, что связано с иной клановостью. Они не хотят обсуждать, какие именно клановые интересы породили бомбардировки Югославии и действия в Косово. Специалисты с отвращением констатируют, что там обеспечи-

вались даже не только геополитические, но и гораздо более приземленные интересы. Но об этом облуга международных воров никогда говорить не будет. Не будет она говорить и о том, чем на самом деле были порождены бомбардировки Ирака... И во имя преодоления этой клановости и насаждения идеи справедливости они затеют сразу на многих интеллектуальных площадках России разговор о новой Конституции, которая по мановению ока, т.е. по все тому же принципу табула раса, лишит нас клановости, восстановит у нас идею справедливости. Да и вообще вернет нам идеальное. При этом возвращать это идеальное необходимо только нам. А почему бы не попытаться вернуть его Западу? И навязывать парламентскую республику надо только нам. А почему бы не навязать ее, например, США?» [Зорькин, 2014, с. 1].

Статья В. Зорькина, опубликованная в главной правительственной газете, ярко демонстрирует идеологию верхнего слоя государственного аппарата. Поводом для этих размышлений послужили высказанные рядом авторов мнения о том, что предусмотренная действующей Конституцией форма правления нуждается в корректировке, и, может быть, преобразовании в парламентскую республику. Какие же конституционные проблемы стали объектом размышлений В. Зорькина? В процитированном отрывке упоминаются обвинения в адрес российского политического режима: его, в частности, упрекают в «клановости», т.е., в сущности, в том, что государство вынуждено обслуживать интересы одной конкретной правящей группы, одного клана. Речь в статье идет и о том, что некие враждебные силы проявляют «показную заботу о наполнении нашей государственности идеей справедливости...», «навязывая» парламентскую республику.

Но вместо того, чтобы, скажем, отрицать клановый характер политического режима и недостатки Конституции, Зорькин говорит о давних международных кризисах и о клановых интересах, лежавших в основе политики ЕС и США в Косово в 1999 г. и в Ираке в 2003 г. (логика: они нас критикуют, а сами ничуть не лучше).

Может быть, критика в адрес инициаторов бомбардировок Югославии или войны в Ираке справедлива. Но почему эти эпизоды, отделенные от нас уже несколькими десятилетиями, нужно было связывать с состоянием конституционного строя в России? Причем здесь вообще албанцы и иракцы, если речь шла о выстраивании (или разрушении) правового государства в российских

условиях? Если государства, представляющие собой устойчивые демократии, в тех или иных ситуациях совершают ошибки или ведут себя не так, как хотелось бы лидерам России, это еще никак не свидетельствует о недостатках демократии как таковой.

Так или иначе, очевидно, что автор статьи в «Российской газете» даже не затрагивает сути упреков, адресованных российскому политическому режиму. Вроде бы речь должна была идти о Конституции и о форме правления. Но главной темой оказывались именно угрозы со стороны враждебного окружения, геополитических противников государства. Ослабление или сворачивание демократических институтов должно в данном контексте выглядеть неизбежным следствием внешнеполитических угроз. (Тут вспоминается роман Ильфа и Петрова «12 стульев» – эпизод с речами о пуске первого в городе трамвая: каждый оратор собирался говорить о трамвае, но всякий раз речь оказывалась посвящена международному положению и разоблачению империалистов.)

По сути дела, это и была новая идеологическая установка – питающаяся старой идеологической парадигмой.

Можно попробовать развернуть эту установку. Воспользуемся формулировкой И. Глебовой: «Что же постулируется этой идеологией, на что она делает ставку, на каких идеях предлагает воспитывать россиянина? Все просто и доходчиво. И в этом смысле явно рассчитано на массовое потребление. Главный наш (государства Российского) жизненный интерес – противостоять экспансии Запада, которая среди прочего осуществляется идеологическими средствами. Мир захвачен либеральными ценностями; либерализм разъедает его изнутри. В 1990-е годы агрессии подверглась и Россия: были подточены национальные устои – эрозии подверглась сама сущность “русского” / русскости”. Но страна нашла в себе силы противостоять западной угрозе – либеральной чуме. За что против нее ополчился западный мир, активизировав весь арсенал своих “спецсредств”» [Глебова, 2014, с. 246].

Нужно учитывать и то, что данная идеологическая установка находила благодатную почву в массовом сознании своего социального адресата. А. Оболонский замечает в связи с этим: «Как свидетельствует история мощнейшей советской системы массовой пропаганды, она бывала эффективной лишь в тех случаях, когда ей удавалось “оседлать” уже существовавшие в массовом сознании представления. В данном случае она лишь усиливает глубинные

стереотипы традиционалистского сознания, отражающие настроенную неприязнь ко всякого рода “чужакам” и, манипулируя ими, направляет ее против того “врага”, возмущение которым в данный момент больше всего отвечает потребностям текущей политики. Последние годы дали, к сожалению, новые подтверждения живучести народного империализма» [Оболонский, 2016, с. 56].

И в новых исторических условиях, в процессе оформления нового политического режима властью, ее идеологами и пропагандистами было предложено то, что, безусловно, могло найти спрос у большинства аудитории государственных телеканалов. Речь идет о создании нового, точнее, обновленного образа врага (или Другого) в рамках доктрины российского консерватизма. О том, что это был за консерватизм, следует поговорить подробнее.

О «новом консерватизме»

В первые годы после распада СССР консервативному мировосприятию, охранительному по своей сущности, не так-то просто было выбрать себе объект идеологической защиты. Как отмечает О. Малинова, «в позднесоветском контексте едва ли было возможно выстроить вполне последовательную консервативную модель, вокруг которой могли бы объединиться сторонники “особого пути”: слишком велико было сопротивление социального “материала”» [Малинова, 2013, с. 289]. Нужно также заметить, что «отечественный консерватизм восстанавливался после длительного периода разрушения традиций (в том числе и традиции консервативной рефлексии), религиозных чувств, исторической памяти и национального самосознания, что, естественно, не могло не наложить на него своего отпечатка. Не было ясности и в отношении того, что именно в посткоммунистической России нуждается (в институциональном плане) в консервации» [Работяжев, Соловьев, 2013, с. 105].

Поэтому консерваторами чаще всего именовали твердых сторонников прежнего режима, верных ленинцев (или сталинцев), ностальгирующих по жизни при советском режиме. Для консерватизма традиционного, консерватизма в европейском смысле слова, защищающего веру в Бога и частную собственность, в этом постсоветском мире почти не оставалось места.

Но после двух десятилетий выстраивания и укрепления государства, созданного на основе РСФСР, ситуация изменилась. Экономический рост, обусловленный, прежде всего, ростом цен на нефть, позволил укрепить и расширить бюрократический слой. Этот же фактор дал возможность стабилизировать положение еще более крупных социальных групп, зависимых от бюджета. В то же время внутри широкого бюрократического слоя вполне оформилась жесткая иерархия. На ее вершине закономерно оказались бессменный лидер государства (первое лицо) со своим ближайшим окружением (правлящей группой), а также руководители силовых структур и спецслужб. Важное место на вершине пирамиды заняли и иерархи Русской православной церкви (РПЦ), формально отделенной от государства. Стала вполне очевидной взаимная поддержка правящей группы и руководства РПЦ. С консервативной точки зрения такой альянс стал хорошей формой единения государства и церкви – ценностью и объектом защиты. Этот альянс мог позволить себе выбирать политических союзников и бизнес-партнеров из числа особо приближенных, избранных предпринимателей. За первые два срока президентства В. Путина круг таких избранных вполне определился. О возникшей корпорации «власть – церковь – избранный бизнес» стали писать либеральные газеты, сохранившие определенную независимость. Они усматривали корыстный групповой интерес в деятельности данной корпорации, критиковали ее и закономерно становились для нее врагами.

Таким образом, у тех, кто хотел обозначать свои взгляды как консервативные и при этом поддерживать действующую власть, появилась понятная система координат: стало ясно – что защищать и от кого. В то же время выяснилось, что в идейном плане им было трудно предложить что-то оригинальное, явно отделяющее их от идеологической платформы либералов и социалистов. Ведь саму по себе установку на сохранение статус-кво и всестороннюю поддержку лидера трудно было считать самодостаточной идеей. А уважением к религии и доминирующей конфессии было трудно выделиться: все это можно было найти в программах практически всех российских политических движений. Скажем, в «Манифесте Просвещенного Консерватизма» (одним из авторов которого стал, как известно, Никита Михалков) мы, безусловно, находим определенный пафос, но не так уж много собственно консервативной сущности: «Эйфория либеральной демократии закончилась! При-

шла пора – делать дело! Первое, что нам необходимо, – это установление и поддержание законности и правопорядка в стране. Второе – обеспечение культурной и национальной безопасности. Третье – рост “благополучия для всех”. Четвертое – восстановление чувства гордости и ответственности за свою страну. Пятое – гарантирование социальной справедливости и социальной защиты граждан, а также отстаивание прав и свобод наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье» [Михалков, 2010].

В этом наборе лозунгов к консервативным мы, наверно, могли бы отнести требования «обеспечения национальной безопасности», а также «отстаивания прав и свобод наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье». И в связи с этим хотелось бы обратить внимание на серьезные отличия этого «консерватизма» от того идейного течения, которое возникло на рубеже XVIII–XIX вв. в Великобритании, Франции, США и, собственно, получило наименование «консерватизм».

Одна из важных черт консерватизма – акцент на том, что права личности неразрывно связаны с ее обязанностями. Консервативные политики поддерживают ценность порядка, т.е. строгого соблюдения законов, подчеркивая при этом важную роль полиции и армии. Консерваторы, действительно, никогда не жалели денег на силовые структуры. Но порядок в государстве всегда был для них лишь условием реализации свобод! По сравнению с либералами европейские и американские консерваторы не меньшие (а то и бо́льшие) ревнители свободы личности. В частности, свободы слова, свободы совести, права частной собственности. Из этого вытекает их крайне негативное отношение к возможной при демократии «тирании большинства», прикрывающей обычно чью-то единоличную власть. И в Германии, и в США, и в Австралии консерваторы в неменьшей, чем либералы, степени опасаются чрезмерного сосредоточения власти в одних руках и проистекающего от этого произвола. В частности, консерватизм, берущий начало от Эдмунда Берка и Алексиса де Токвиля, крайне настороженно и болезненно относится к любым ограничениям свободы слова.

Напротив, те, кто сегодня воплощают российский вариант консерватизма, готовы всячески защищать единоличный характер власти. Их взгляды и поведение лучше всего обозначаются старинным русским словом «верноподданничество». Объектом защи-

ты такого «консерватизма» стала и сама по себе монополия на власть – и конкретного первого лица, и приближенной к нему группы лиц (а равно обслуживающих их – по клиентельному принципу – групп). В законодательных собраниях различного уровня «Единая Россия» к 2017 г. контролировала от 60 до 98% мест. Однако фактически это был контроль не партии, а бюрократического аппарата – деидеологизированного, но готового декларировать и исполнять любую программу, провозглашенную Первым лицом и его правящей группой.

Свобода слова, как и прочие свободы, могла быть терпима этими «консерваторами» лишь в той мере, в какой она не создавала угрозу (либо просто дискомфорт) для неограниченной власти первого лица. Не случайно в приведенном манифесте мы не находим ни малейшего интереса к теме прав и свобод. История ограничений вещания негосударственных телеканалов, жесткий контроль над государственными СМИ, попытки давления на блогосферу – самые очевидные свидетельства данного подхода.

Что касается принципа защиты частной собственности, то и к нему российская правящая группа (реализующая якобы «консервативную» стратегию) всегда относилась избирательно. Предприниматели, выказавшие политическую неблагонадежность (начиная с миллиардеров Ходорковского, Лебедева, Гучериева и других и заканчивая владельцами деревенских магазинов), не могли рассчитывать на защиту их прав судами. И хотя индивидуальные бизнес-истории могли складываться по-разному, но бизнесмены в последнее десятилетие ощущали свою уязвимость перед силовыми структурами. В условиях ослабления и зависимости судебной системы представители силовых ведомств могли действовать вполне произвольно – с учетом собственных экономических интересов.

Еще одна черта консервативного образа мышления – обращение к этническим и религиозным корням нации. Однако западный современный политический спектр подразумевает серьезную разницу между консерватизмом, крайне осторожно подходящим к аргументам из данной сферы, и радикальным национализмом, использующим их для разжигания недоверия и ненависти между различными национальными общинами.

Российский же официальный вариант «консерватизма» оказался близок именно к крайним вариантам национализма с присущими ему фобиями в отношении конкретных «враждебных» наций

или государств. На ноябрь 2016 г. таковыми официальная пропаганда числила, в частности, США и Украину. Но в этой роли успели побывать уже Грузия и Турция. При этом значительная часть населения выражает ксенофобские чувства по отношению к выходцам с Кавказа и из Средней Азии. Эти чувства легко использовать, и некоторые российские политики пытались это делать. Вероятно, в связи с этим Дмитрий Рогозин как-то заявил: «Альянс Кремля с европейскими правыми шатает брюссельский табурет» [Рогозин: Альянс Кремля... 2014]. Это означало идейное сближение российской правящей группы с европейскими радикально-националистическими течениями. Современные консерваторы и умеренно правые при всем своем уважительном отношении к темам традиционных религий и этнического многообразия крайне негативно воспринимают агрессивный национализм и тем более любую агрессию под националистическими лозунгами. Закономерно поэтому, что действия российской власти по отношению к Украине вызвали критику у всех авторитетных консервативных партий в Европе. Сочувствующих можно найти (не без труда) лишь в лагере ультранационалистов.

Таким образом, и в Европе, и в Америке давно уже принято отделять консерваторов от правых радикалов. Судя по всему, Рогозин, говоря о союзниках, имел в виду именно последних.

Наконец, важной особенностью нынешнего российского консерватизма нужно признать противопоставление российского политического мира (в том числе представлений о власти, демократии, роли прав человека и т.д.) западному миру. Иными словами, «особенностью отечественного консерватизма... стала постановка проблемы взаимоотношений России и Запада (геополитических, культурных и т.д.). При этом Европа выступала объектом неприятия в рамках бинарных оппозиций, прочно закрепившихся в структуре консервативного мышления» [Работяжев, Соловьев, 2013, с. 102]. В данном контексте «сохранение Россией собственной идентичности представляется как миссия, которую необходимо выполнить во имя всего человечества: наша страна призвана выполнить роль *“последнего оплота”* сопротивления культурной экспансии Запада, направленной против всех незападных стран» [Малинова, 2013, с. 310].

При этом сама по себе идея «особого пути» во внешнеполитическом дискурсе не является органическим элементом консерва-

тивной идеологии. Однако для рассматриваемого нами российско-идеологического течения характерна определенная интерпретация данной идеи, подразумевающая «вековое стремление Запада (и других “полюсов силы”) унижить и расчлениить Россию» [Малинова, 2009, с. 159–164]. Задача же Москвы состоит в том, чтобы отразить очередное наступление внешних врагов и восстановить геополитический баланс на выгодных для России условиях [Панарин, 2003]. Следует отметить, что сторонники консервативной версии идеологии исключительности унаследовали также многие мировоззренческие установки и из классического евразийства [Кубышкин, Сергунин, 2013, с. 169–170].

Таким образом, если мы сравниваем консервативную политическую идеологию, зародившуюся в Западной Европе в конце XVIII в. и прошедшую длинный общий путь вместе с идеей либеральной демократии, с тем, что стали называть «консерватизмом» в годы правления Владимира Путина, мы наблюдаем два очень разных явления. Первое послужило одной из основ демократических режимов в целом ряде стран. Второе призвано было оправдать и оформить режим личной власти – в качестве наиболее удобного инструмента.

Характерной чертой официального российского консерватизма можно считать и его неприятие реального либерализма и либеральных взглядов – еще конкретнее, идей политической демократии, политического плюрализма и конкуренции. Несмотря на то что все публикуемые опросы показывают низкую популярность либеральных партий и лидеров (что можно рассматривать, по крайней мере, отчасти, как «большое достижение» государственных СМИ), в официальной пропаганде критика либерализма продолжает занимать важное и постоянное место.

И для этого есть серьезные причины. Ведь именно демократические (либеральные) партии все последние годы всерьез критиковали правящую группу за фактическую измену Конституции – за установление режима личной власти, за подчинение судов на всех уровнях администрациям, за демонтаж демократических институтов и т.д. Либералы вполне могли рассчитывать на тот сегмент электората, который правящая группа хотела бы считать своим – на образованных горожан. Массовые протесты 2011–2012 гг. показали, что популярность идей демократии, свободы слова и других свобод достаточно высока.

Кроме того, либеральные партии и их лидеры не избегали также прицельной критики в адрес первого лица. В силу этих и некоторых иных факторов либеральная оппозиция оказалась в глазах власти главным врагом.

Нужно сказать, что партии и группы, использующие в своих программах слова «социализм» и «социалистический путь», вызывали и вызывают у правящей группы куда меньше опасений, чем либеральные. Все они так или иначе апеллировали к опыту советского режима, черпая из него подходящие образцы. В отличие от партий социалистов-мечтателей рубежа XIX–XX вв., Коммунистическая партия РФ и некоторые другие коммунистические группировки в России рубежа XX–XXI вв. были по преимуществу партиями ностальгирующими.

В конце концов выяснилось, что для российской правящей группы вполне удобна и нынешняя идеология КПРФ: смесь из восхвалений Сталина, утверждения принципов «общинности, коллективизма и патриотизма», требований национализации в экономике и призывов к борьбе с империализмом США и НАТО. Объективно КПРФ оказалась для правящей группы не только удобным спарринг-партнером, но и союзником, помогающим декоративно оформить фактическую монополию на власть.

Эта же идеологическая смесь близка определенной части правящей номенклатуры, относящейся к старшему поколению (т.е. поколению второго президента) – людям, начинавшим партийные карьеры в 80-е годы XX в.

Для русской политической традиции это не такая уж новость, если вспомнить выводы Б.Н. Чичерина, сделанные им около 110 лет назад: «Все журналы со сколько-нибудь либеральным направлением висели на волоске, а холопствующей ватаге поклонников реакции давался полный простор. Они могли на своем рабочем жаргоне прославлять правительство на все лады, восхвалять все его самые вопиющие меры, видеть в нем спасителя отечества. Более или менее значительной свободой пользовались и социалисты. Либерализм казался правительству опасным, но социализм, пока он являлся в теоретической форме, представлялся безвредным... Среднее, умеренно либеральное направление оставалось в накладе. В журналистике оно не имело органа, а книги, кроме самых задорных, у нас давно перестали читать» [Чичерин, 2000, с. 535].

Заключение

Обращаясь к классикам русской политической мысли, разбивавшим тему политического и идейного спектра, мы, конечно, сознаем, что любые исторические аналогии условны. Российское общество за минувшее столетие радикально изменило свою структуру и вообще изменилось. И все же в данном случае нам хотелось бы подчеркнуть именно преемственность и политических проблем, и политических ролей в процессе создания конституционного государства. Его не удалось выстроить 100 лет назад – процесс был насильственно прерван. Но задачи, поставленные и не решенные одной эпохой, переходят по наследству к другой, пусть и через три поколения. Воспроизведение спустя 100 лет старой структуры политического спектра и старого конфликта может рассматриваться как напоминание о том, что задача все еще не решена. Но для ее решения русское образованное общество созрело уже столетие назад. Неужели оно не созрело сегодня?

Тот политический «консерватизм», который стал идеологической платформой российской власти, призван оправдать чиновничий, бюрократический, политический и прочий произвол. Именно в этом его сущность. В то же время политическая демократия, разумеется, не чудодейственное средство от всех социальных болезней, но она постепенно создает условия для их искоренения – прежде всего, уменьшая пространство для произвола.

Список литературы

- Воеводина Т.* Свободное поле идеологии // Литературная газета. – М., 2014. – № 18 (6461), 7–13 мая. – С. 2.
- Глебова И.И.* Об учебнике истории и о мобилизационной идеологии // Труды по русистике / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – Вып. 5. – С. 244–250.
- Зорькин В.* Tabula rasa. Ответ тем, кто спешит переписать Конституцию России с чистого листа // Российская газета. – М., 2014. – 7 апреля. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/04/07/zorkin.html> (Дата посещения: 19.06.2017.)
- Зорькин В.* Философия права: Прошлое, настоящее и будущее // Сравнительное конституционное обозрение. – М., 2010. – № 2 (75). – С. 41–50.
- Кубышкин А.И., Сергунин А.А.* Идеология исключительности: Современная российская внешнеполитическая мысль в сравнительно-исторической перспективе // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 4. – С. 156–175.

- Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – 421 с.
- Малинова О.Ю.* Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. – М.: РОССПЭН, 2009. – 190 с.
- Михалков Н.* Право и правда // Политг. ru. – М., 2010. – 26 октября. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/10/26/manifest/> (Дата посещения: 19.06.2017.)
- Мусихин Г.И.* Очерки теории идеологий / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 288 с.
- Мусихин Г.И.* Популизм: Структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Полития. – М., 2009. – № 4. – С. 40–53.
- Мухин А.* «Зимняя сказка» на фоне прохладной войны // Независимая газета. – М., 2014. – 25 февраля. – С. 3.
- Оболонский А.В.* Этика публичной сферы и реалии политической жизни. – М.: Мысль, 2016. – 445 с.
- Панарин А.С.* Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО, 2003. – 416 с.
- Пивоваров Ю.С.* Русское настоящее и советское прошлое. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 332 с.
- Работяжев Н., Соловьев Э.* Российский консерватизм «эпохи перемен» // Свободная мысль. – М., 2013. – № 6. – С. 97–110.
- Рогозин Д.* Альянс Кремля с европейскими правыми шатает брюссельский табурет // Взгляд. – М., 2014. – 28 марта. – Режим доступа: <https://vz.ru/news/2014/3/28/679465.html> (Дата посещения: 19.06.2017.)
- Сурков В., Глинкин М., Костенко Н.* «Чудо возможно»: Интервью // Ведомости. – М., 2010. – 15 февраля. – С. 3. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/artiele/2010/02/15/225543> (Дата посещения: 11.05.2011.)
- Третьяков В.Т.* О политической философии Владимира Путина // Российская газета. – М., 2005. – 28 апреля. – Режим доступа: <https://rg.ru/2005/04/28/tretyakov.html> (Дата посещения: 19.06.2017.)
- Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (1 половина XX века) / Пер. с фр. М.М. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 503–574.